

Глава 1

НОВОГОДНИЙ ПРАЗДНИК

В школе шли последние приготовления к празднику. В пионерской комнате, разложив на полу лист бумаги, мальчик в синей куртке с белым воротником, лежа на животе, выводил красной тушью громадные цифры: «1941 год».

В большой зал дверь была закрыта. У двери толпились школьники и школьницы, пытались заглянуть в щелку или незаметно прошмыгнуть в зал. На страже, прислонившись спиной к двери, стоял белобрысый мальчуган. Он молча и решительно отталкивал любопытных, показывая всем своим видом, что скорее умрет, чем пропустит кого-нибудь без разрешения вожатого.

В зале вожатый отряда, ученик девятого класса Митя Бурцев, вместе с ребятами натягивал провода с разноцветными лампочками. Складная лестница шаталась под его ногами.

— Ребята, не зевайте там! Держите лестницу! Так можно лампочки побить.

Поднявшись еще выше, Митя укрепил провода и весело крикнул:

— Включай!

Цветные огоньки вспыхнули, теряясь в густых ветвях новогодней елки.

Елку украшали девочки с учительницей второго класса.

Учительница стояла на табурете, а девочки подавали ей шары и бусы, осторожно выбирая их из картонок.

— Ой, Марья Николаевна! Этот шар, как фонарик!

— А вот с серебром! Девочки, с серебром!

— Давайте, давайте скорее! — торопила их Марья Николаевна, поглядывая на часы. — Гости ждут.

— А выставка еще не готова!

В глубине зала ребята заканчивали выставку. Полочки и лесенки с широкими ступеньками были задрапированы темной материей. Небрежно раскинутые коврики и вышитые платочки ярко выделялись на темном фоне. Внизу стояли модели самолетов, моторных лодок. Ледокол, выкрашенный в голубую краску, разрезая острым носом волны, искусно сделанные из материи, как бы плыл навстречу школьникам.

У каждого класса здесь было отдельное место, и к каждой вещи была приколота бу-мажка с фамилией того, кто ее сделал.

Несколько ребят из четвертого класса «Б» озабоченно советовались между собой.

Саша Булгаков, староста класса, в сотый раз переставлял на полках вещи и, одергивая свою сатиновую рубашку, с досадой говорил:

— Мало, эх, мало!

— Малютин уже пошел. Картину принесет, — успокаивал Сашу Коля Одинцов, вытирая тряпкой запачканные тушью пальцы.

— Эх, а табличку-то не прибили! — Леня Белкин сбросил ботинки и проворно вскарабкался на лесенку, держа над головой молоток. Между вещами замелькали его синие носки.

— Тише ты! Наступишь на что-нибудь!

К выставке подбежала девочка. Короткие тугие косички прыгали по ее плечам. Она кого-то искала.

— Зорина, ты чего?

— Как — чего? — Лида Зорина посмотрела на ребят быстрыми черными глазами. — Вы тут стоите, а внизу уже гости собрались. Где Трубачев? — Она поднялась на цыпочки. — Васек! Трубачев!

От группы ребят из другого конца зала отделился мальчик и подошел к товарищам. Его мигом окружили:

— Ну как, Трубачев?

— У них тоже здорово! Я все посмотрел!

— Лучше, чем у нас?

Трубачев тряхнул золотистым чубом. Синие глаза его лукаво блеснули.

— Нет, не лучше, — сказал он, широко улыбаясь. — Честное слово, ребята, не лучше! Да еще если Севка Малютин картину принесет, да Мазин и Русаков — какие-то штучки — тогда и вовсе живем! — Трубачев притопнул каблуками, шлепнул по спине Белкина. — Живем!

Девочки запрыгали:

— У нас лучше! У нас лучше!

— Мазин и Русаков идут! — запыхавшись, сообщил Медведев. — Я их на лестнице видел.

Впереди, крепко ступая, шагал плотный, коренастый Мазин. Рядом, стараясь попасть с ним в ногу, торопился маленький, подвижной Петя Русаков.

— Вот они — закадычные друзья! — объявил Белкин.

— Мало вещей? — коротко спросил Мазин, засунул руку за пазуху и вытащил гладкий черный пугач. Он был начищен до блеска, на рукоятке стояли буквы: «Р. М. З. С.».

Мазин снова засунул руку за пазуху. Ребята глядели на него выжидающе. Он вытащил складной лук. Петя Русаков расстегнул куртку и снял с пояса пучок стрел с блестящими наконечниками.

— Ух ты! Здорово! Вот здорово! — одобрительно зашумели вокруг.

Трубачев, забыв про выставку, разглядывал пугач.

— «Р. М. З. С.»! — громко прочитал он. — Мазин, что за буквы?

— Трубачев, покажи! Дай поддержать, Трубачев! — кричали ребята.

— Подождите!

Трубачев нетерпеливо дергал Мазина за рукав:

— Р. М. З. С. — что это?

Русаков лукаво усмехнулся:

— Это буквы!

— Это фабрика! — догадался кто-то.

— Какая фабрика! Это они сами делали!..

Мазин, говори! Ну чего ты ломаешься!

Мазин взял из рук Трубачева пугач, повертел его, надул толстые щеки и равнодушно сказал:

— Много будете знать — скоро состаритесь.

— Ого! Тайна! — фыркнул Леня Белкин, поднимая белесые брови и поглаживая свой колючий затылок. — Ребята! Тайна!

Лида Зорина и несколько девочек бросились к Мазину:

— Мазин, скажи, скажи!

Мазин отстранил их рукой и сгреб в кучу все вещи.

— Берете или не берете на выставку?

— Степанова, — крикнул Трубачев, — возьми вещи!

Валя Степанова собрала все вещи в передник, потом взяла в руки пугач, близко поднесла его к близоруким глазам, внимательно рассмотрела буквы, погладила полированную рукоятку. Так же, не спеша, разглядела лук и стрелы и тихонько сказала:

— Сейчас развешу.

В зал поспешно вошел мальчик. Он держал в руках кусок фанеры, закрытый материей. Глаза его сияли, на бледном лице выступили капельки пота.

— Вот, принес! — задыхаясь, сказал он, снял материю и поставил картину к стене.

Ребята присели на корточки.

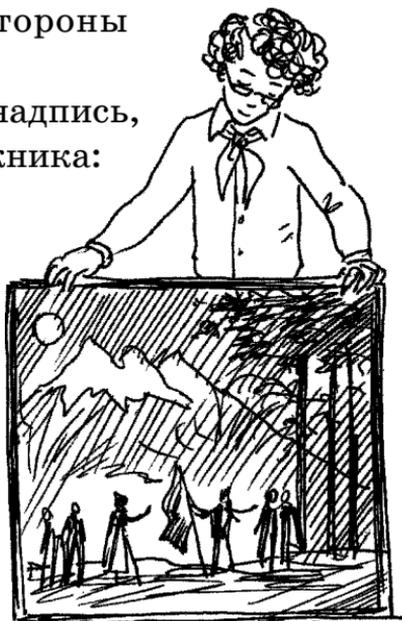
На картине Севы Малютина виселись горы, густо покрытые белым снегом. У подножия гор поднимались прямые коричневые сосны. Под соснами стояла группа бойцов. Молодой командир поднимал вверх красное знамя. На виске у него было пятно крови, кровь стекала по щеке. Из глубокой воронки разлетались во все стороны грязно-серые брызги.

На картине стояла надпись, сделанная рукой художника: «Разрыв гранаты».

— Война! — шепотом сказал Саша.

Кто-то нашел сходство командира с Трубачевым.

— Ты настоящий художник, Сева! — растроганно сказал Трубачев.

Мазин с видом знатока прищурил один глаз и ткнул пальцем в картину:

— Пририсуй танки!

Все засмеялись.

В зале вспыхнул свет.

Темно-зеленая елка засверкала бусами. Все заторопились, заспешили.

Мальчик в коротких штанишках пробежал через весь зал, забрался в уголок дивана и, потирая пухлую коленку, стал разучивать по бумажке приветствие гостям:

— «Дорогие наши гости! Мы, самые младшие ученики этой школы, вместе с нашими учителями и старшими товарищами приветствуем вас от лица всей школы...»

Песни, смех и беготня отвлекали внимание мальчика, он то и дело путал слова, громко повторяя:

— «Дорогие наши гости! Вы, самые младшие ученики этой школы, вместе с нашими школьными учениками...»

Учительница, пробегая мимо с красками в руках, прислушалась, подседа к малышу и взяла у него из рук бумажку:

— Давай вместе!

— Трубачев! Булгаков! У вас все готово? — крикнул издали Митя.

— Все готово! — ответил Трубачев, устанавливая картину.

— Ну так расходитесь. Сейчас начинать будем. Тащите стулья!

Ребята бросились расставлять стулья. Через минуту двери широко раскрылись. Шумной нарядной толпой вошли родители. Их сопровождал сам директор Леонид Тимофеевич. На лице его была особая, праздничная улыбка, стекла очков блестели, отражая сразу и разноцветные огоньки елки и веселые лица родителей.

— Милости просим! Милости просим! — говорил он, широко разводя руками и кланяясь.

Васек увидел в толпе своего отца. Павел Васильевич принарядился: голубая сатиновая рубашка его была тщательно разглажена, и только галстук, по своему обыкновению, чуть-чуть съехал в сторону. Голубые глаза и рыжеватые усы придавали его лицу веселое, озорное выражение. Увидев сына, он обрадовался и ни с того ни с сего удивился:

— Ба! Рыжик! Ну, давай, давай, хлопочи, усаживай!

— Сюда, сюда, папа!

Васек потащил отца ближе к маленькой сцене, на заранее приготовленное местечко. По пути отец попробовал пригладить на лбу сына золотисто-рыжий завиток, но он, как вопросительный знак, торчал вверх.

Павел Васильевич махнул рукой, вынул из кармана сложенный вчетверо носовой платок и сунул его мальчику:

— На, запасной.

Васек громко на всякий случай высморкался и быстро сказал:

— Героев видал, пап? Это ученики нашей школы. Сейчас! Вот идут! Смотри, смотри!

Он сорвался с места и исчез в толпе.

В проходе между стульями пробирались трое военных. Их встречали радостными криками. Они смущенно улыбались, с трудом продвигаясь к сцене. Там недавних участников боев с белофиннами приветствовали учителя и директор.

Старенькая учительница торопливо протирала платком очки.

— Алеша... Бориска... Толя... — припомнила она своих бывших воспитанников.

— Переросли! На целую голову переросли своего директора! — шумно радовался Леонид Тимофеевич.

К сцене подошел старик — школьный сторож. Черные с проседью волосы его были расчесаны на прямой пробор. Он опирался на суковатую палку.

— Иван Васильевич! Грозный!

Три пары рук подхватили старика и поставили на сцену.

— Есть Грозный! Есть! Никуда не делся! — Старик вытер усы. — Ну-ну, выросли... вылетели птенцы... орлами воротились, — бормотал он, присаживаясь к столу, покрытому красным сукном, и улыбаясь учителям.

В зале снова зашумели, захлопали в ладоши. Наконец все стихло.

Мальчик в коротких штанишках, путаясь, сказал приветствие и, закончив его торопливой скороговоркой, спрятался за спину своей учительницы.

Потом долго и прочувствованно говорил директор.

Перед глазами у всех вставал суровый финский край. Высокие сосны, скованные морозом озера... Вот мчатся лыжники... наши лыжники... Тишина... Слышно только, как скрипит снег. И вдруг слева, с опушки леса, ударил пулемет.

Пули вспарывают легкое снежное покрытие. Огонь косит наших бойцов, прижимает их к земле. По снегу, глубоко зарываясь в сугробы, ползет снайпер. Все его внимание сосредоточено на опушке леса, где засели финские пулеметчики.

Меткий выстрел... другой... И, внезапно захлебнувшись, смолкает вражеский пулемет... Лыжники летят дальше.